

БОРЬБА ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ ГОСПОДСТВА МОНОПОЛИЙ

И. Д. Троценко

На протяжении многих десятилетий реакционные силы германского империализма использовали крестьянство для достижения своих корыстных целей. Период развития капитализма и его перерастания в государственно-монополистический капитализм в Германии характеризовался относительным спокойствием деревни. Это, конечно, не значит, что в немецком сельском хозяйстве не было классовых противоречий. Но господствующим классам удавалось не обострять эти противоречия. Для осуществления своих агрессивных замыслов немецкий милитаризм нуждался не только в мощной военной экономике, но и в прочной продовольственно-сырьевой базе. Возникновение широкого слоя зажиточного, крепкого крестьянства, способного применять технику и обеспечить рост производительности труда в сельском хозяйстве, установление всестороннего контроля со стороны господствующих классов над производством и сбытом сельскохозяйственных продуктов обеспечили выполнение этой задачи. Уже в начале XX в. в Германии стали выдаваться государственные субсидии сельскому хозяйству, которые попадали прежде всего в руки аграрного капитала. Кулаки и крупные землевладельцы получали выгодные государственные кредиты, пользовались налоговыми льготами. В дальнейшем государство стало определять цены на сельскохозяйственные продукты, регулировать их сбыт, размеры государственных запасов. Это позволило финансовой олигархии Германии полностью поставить ресурсы сельского хозяйства на службу своим интересам.

В период фашистской диктатуры перед сельским хозяйством была выдвинута задача обеспечить страну важнейшими видами продовольствия и сырья, чтобы даже в случае полной военной изоляции Германия не зависела от поставок извне. С этой целью была осуществлена милитаризация сельского хозяйства. Фашистское государство объявило все крестьянство «продовольственным сословием нации» и создало «чрезвычайные имперские продовольственные комитеты», которые возглавлялись «сельскохозяйственными фюрерами» и подчинили себе все сельское хозяйство сверху донизу. «Продовольственные комитеты» устанавливали объем заготовок продовольствия и сельскохозяйственного сырья, определяли количество и качество производимой продукции, цены на нее. Гитлеровцы всеми средствами насаждали «наследственные крестьянские дворы», то есть крупные кулацкие хозяйства размером в 7,5 га и более, объявив их владельцев «новой аристократией земли и крови». В результате в немецком крестьянстве образовалась влиятельная кулацкая прослойка, которая по общему жизненному уровню превосходила капиталистическую прослойку в сельском хозяйстве Франции, Италии и других стран. Немецкое кулачество («гроссбауэры») стало символом политической реакции в деревне и вместе с юнкерством являлось прочной опорой наиболее воинствующих и шовинистических сил германского империализма.

После второй мировой войны при помощи США, Англии и Франции в Западной Германии вновь стали хозяйничать крупнейшие монополии. Те же самые милитаристские и агрессивные силы, которые поставили у власти Гитлера, и сегодня определяют развитие страны. Их аграрная политика преследует прежние цели, а именно: превращение сельского хозяйства в прочную базу сырья и продовольствия для осуществления агрессивных планов. После войны в сельском хозяйстве Западной Германии произошли существенные технические сдвиги: количество тракторов увеличилось в 7,2 раза, их мощность на одного занятого — в 11 раз, количество комбайнов — более чем в 20 раз. В итоге отношение затрат на наемный труд к затратам на машины и удобрения стало в ФРГ вместо 1:1,3 в 1949 г. 1:3,3 в 1962 году¹. В период машинного производства только крупные предприятия могут, применяя новейшую технику, обеспечить ведение рентабельного хозяйства. При этом само понятие «крупное производство» с точки зрения размеров земли меняется. Если в довоенный период крупными предприятиями являлись хозяйства в 7,5 га, то сегодня эти хозяйства уже не в состоянии производительно использовать новую технику и попадают в разряд мелких. Исторически развитие сельского хозяйства Германии сложилось так, что как раз в западной части страны было сосредоточено мелкое крестьянское производство. В 1949 г. в ФРГ из 1,9 млн. сельскохозяйственных предприятий 1,5 млн., или 80%, составляли крестьянские хозяйства до 10 га, а на одно хозяйство в среднем приходилось менее 7 га полезной сельскохозяйственной площади². В этих условиях достижение основных целей финансовой олигархии в сельском хозяйстве — расширение рынков сбыта, создание прочной сырьевой базы, снижение издержек производства — наталкивалось на неустойчивое и малопроизводительное мелкокрестьянское производство. Поэтому монополистический капитал ФРГ взял курс на ликвидацию мелких и средних крестьянских хозяйств и замену их крупными капиталистическими предприятиями.

С 1953 г. в Западной Германии осуществляется план «улучшения аграрной структуры», согласно которому все хозяйства до 10 га, как «нежизнеспособные», подлежат ликвидации и замене их более крупными — этой цели подчинена вся система финансово-экономических мероприятий: регулирование цен на сельскохозяйственном рынке, государственные субсидии сельскому хозяйству, кредит, налоги, изменение земельных отношений в интересах господствующих классов.

Западногерманское государство устанавливает цены на важнейшие сельскохозяйственные продукты на таком уровне, который обеспечивает рентабельность их производства только в крупных хозяйствах. С 1956 по 1964 г. сельскому хозяйству было отпущено 14,7 млрд. марок государственных средств, подавляющая часть которых попала в руки представителей аграрного капитала. За последние двадцать лет доля производителя сельскохозяйственных продуктов в их розничной цене сократилась более чем на 10%, и в настоящее время в руках западногерманского крестьянина остается только половина созданной его трудом стоимости, а остальная по различным каналам перекачивается в сейфы монополий. Владельцы крупных хозяйств на льготных условиях получают «удешевленный кредит» (за который часть процентной ставки выплачивается государством), в то время как трудящееся крестьянство вынуждено прибегать к невыгодным займам из расчета 10—12 и более процентов годовых.

Все больше трудовое крестьянство страдает от «ножниц цен», которые возникают вследствие более быстрого роста цен на тракторы, комбайны, удобрения, строительные материалы и другие средства производ-

¹ «Kennziffern der Landwirtschaft». Bonn. 1964, S. 101—108.

² «Der Grüne Plan», 1959, S. 75—76.

ства для сельского хозяйства по сравнению с ростом цен на его продукцию.

Все это ставит крестьянские хозяйства в тяжелое экономическое положение, поскольку они вынуждены продавать свою продукцию по ценам, которые, как правило, ниже ее стоимости, переплачивать в пользу монополий большие суммы при покупке средств производства, прибегать к кабальным кредитам и т. д. Не выдерживая конкуренции крупного производства, трудящееся крестьянство массами разоряется. Именно такая политика отвечает интересам всех групп господствующих классов ФРГ, и вдохновителями ее являются шовинистические и реакционные круги финансовой олигархии. Ликвидация мелкокрестьянского производства сулит крупнейшим монополиям расширение рынков сбыта в сельском хозяйстве для машин, удобрений, строительных материалов, а также высвобождение дешевой рабочей силы за счет разоряющегося крестьянства.

Однако если прежде реакционным силам немецкого империализма удавалось подчинить себе все ресурсы сельского хозяйства без значительного обострения классовых противоречий в деревне, то в современных условиях курс монополистического капитала на ликвидацию мелких и средних крестьянских хозяйств, то есть более четырех пятых всех сельскохозяйственных предприятий ФРГ, неизбежно привел к нарастающему противоречию между монополиями и крестьянством. Особенно быстро эти противоречия обостряются в условиях «Общего рынка». По сравнению с другими странами, входящими в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), наиболее дорогой является продукция сельского хозяйства ФРГ. Это объясняется главным образом систематическим вздуванием монополиями цен на сельскохозяйственные средства производства, что приводит к росту (хотя и более медленному) цен на сельскохозяйственную продукцию, поскольку повышаются издержки производства. Кроме того, ФРГ удовлетворяет потребности в продовольствии за счет собственного производства только на 72—74%, в то время как другие страны, и в первую очередь Франция и Голландия, имеют значительные излишки более дешевых продуктов. Но господствующие классы ФРГ не заинтересованы в предоставлении своего сельскохозяйственного рынка странам-партнерам. Во-первых, потому, что большая часть продовольствия ввозится в Западную Германию из стран, не являющихся членами ЕЭС (США, Дания, Аргентина и др.), взамен чего ФРГ экспортирует туда свою промышленную продукцию. Отказ от ввоза сельскохозяйственных продуктов из третьих стран приведет к потере рынков сбыта для промышленной продукции на сумму более 7 млрд. марок в год³. Во-вторых, свободный доступ на рынок ФРГ более дешевых продуктов из других стран ЕЭС неизбежно повлечет за собою снижение западногерманских цен, против чего выступает большинство производителей сельскохозяйственной продукции. Снижение цен может иметь своим результатом обострение противоречий в сельском хозяйстве.

Наконец, импортируя продукты по более низким мировым ценам и перепродавая их по высоким внутренним ценам, империалистическое государство получает большие доходы. Поэтому монополистический капитал ФРГ стремится оттянуть создание «аграрной интеграции», и в то же время он заинтересован в существовании «Общего рынка» в других отраслях производства. Франция, Голландия и другие страны ЕЭС, наоборот, хотят форсировать «аграрную интеграцию» и опасаются чрезмерного засилья западногерманских монополий в промышленности. Отсюда острые столкновения между странами — членами ЕЭС по вопросу о сельскохозяйственной политике.

³ «Der Volkswirt», 1960, № 22, S. 1029.

Несмотря на большой нажим со стороны Франции и других стран, ФРГ препятствует созданию единого рынка важнейших продуктов, производство которых сосредоточено в руках аграрного капитала и которые составляют основную статью сельскохозяйственного импорта (прежде всего зерно). В то же время финансовый капитал ФРГ использует иностранную конкуренцию против крестьянства, открывая для дешевых иностранных продуктов те каналы, по которым поступает на рынок большинство крестьянской продукции (овощи, фрукты, яйца). Одновременно господствующие классы ФРГ форсируют перевод сельского хозяйства страны на рельсы крупного производства, чтобы повысить его «конкурентоспособность», усиливая нажим на крестьян посредством «ножниц цен», налогов, кредита и т. д. Поэтому «Общий рынок» явился для сельского хозяйства Западной Германии таким катализатором, который еще больше ускорил осуществление империалистического плана ликвидации мелких и средних крестьянских хозяйств. Никогда еще в Западной Германии наступление монополий на трудовое крестьянство не принимало таких огромных размеров, как со времени вступления в силу договора о ЕЭС. Если до 1958 г. в ФРГ разорилось 177,5 тыс. крестьянских хозяйств площадью до 10 га, то за шесть лет существования ЕЭС — 235,4 тыс. хозяйств. Всего с 1949 г. по 1965 г. перестало существовать более 507 тыс. крестьянских хозяйств площадью до 10 га, то есть исчезло каждое четвертое сельскохозяйственное предприятие страны. С каждым годом увеличивается количество крестьян, вынужденных оставлять свою землю. В 1960 г. исчезло 37,6 тыс., в 1962 — 46,2 тыс., в 1963 — 55,9 тыс. хозяйств этой группы. К 1964 г. крестьянские хозяйства размером от 0,5 до 2 га потеряли 30% своей обрабатываемой земли, размером от 2 до 5 га — 35%, от 5 до 10 га — 18%, в то время как в крупных капиталистических хозяйствах — 10—15 га — количество земли увеличилось на 12—18%⁴. Не случайно даже в западногерманской литературе политика монополий в отношении крестьянства называется политической «массового сгона с земли».

В этих условиях трудовое крестьянство Западной Германии все яснее осознает коренную противоположность своих интересов устремлениям монополий и ту огромную угрозу, которую несет для его существования «аграрная интеграция». В течение всего послевоенного периода в Западной Германии нарастало сопротивление крестьянства империалистическим планам его ликвидации. В условиях «Общего рынка» это антимонополистическое движение крестьянства приобрело массовый характер. В январе 1960 г. более 13 тыс. крестьян провели митинг протеста в Мюнстере. Руководитель местного отделения Немецкого крестьянского союза (НКС) Г. Оер заявил, что правительство обманывало крестьян, когда обещало им «хорошую жизнь» в условиях ЕЭС, и что в действительности вся его политика ни в малейшей степени не отвечает интересам крестьянства. Резкой критике была подвергнута аграрная политика правительства на шеститысячной крестьянской манифестации в Кельне и других местах. Даже реакционный руководитель НКС, его президент Э. Ревинкель, выражающий интересы крупного аграрного капитала, назвал политику правительства по отношению к крестьянству «антисоциальной и антихристианской», сказав, что она «гонит крестьян на баррикады». Только весной 1961 г. в митингах и демонстрациях участвовало более 100 тыс. человек. В 1962 г. более 3,5 тыс. крестьян округа Везермарш выступили с протестом. В Бад-Годесберге митинг протеста провели 8 тыс. крестьян-переселенцев. В августе 1962 г. состоялся массовый митинг на городской площади г. Певзума. Его участники требовали снижения процентов за все кредиты с 7—11 до 2, принятия мер по

⁴ «Der Grüne Plan», 1959, S. 75—76; 1962, S. 94; «Grüner Bericht», 1963, S. 117; 1964, S. 136—137.

уменьшению задолженности сельского хозяйства, отсрочки возврата денежных ссуд, сокращения налогов, отмены уплаты процентов по кредитам, выданным на покупку земли и скота, проведения за счет государства известкования почвы⁵. Крестьянские организации Нижней Саксонии, Гессена и Вестфалии организовали массовую совместную манифестацию в Геттингене⁶. Радиостанция КПГ передавала в сентябре 1962 г.: «От Альп до Северного моря крестьяне пришли в движение; беспокойство крестьян из-за роковых последствий боннской аграрной политики начинает стихийно нарастать и находит выражение во все более мощных действиях»⁷. Отдельные крестьянские выступления увенчались успехом. Так, в результате демонстрации в Певзуме крестьяне добились продления сроков возврата кредитов с 15 до 25 лет, снижения ставки процента и т. д.⁸. Однако это не затронуло самых основ антикрестьянской аграрной политики.

1963 год характеризуется новой волной крестьянских выступлений, в которые все больше вовлекались руководители низовых организаций НКС. Генеральная конференция НКС Саарской области призвала крестьян повсеместно перейти к более активным действиям. Такое же требование выдвинули 44 старосты союза в округе Оксенбург, организовавшие широкий опрос крестьянства⁹. Никогда еще выступления крестьянства в округе Франкен не отличались такой активностью. В Кобленц на объявленный заранее митинг прибыло вдвое больше крестьян, чем предполагали его организаторы, а на одном из собраний крестьяне освистали министра сельского хозяйства ФРГ Шварца¹⁰. Крестьяне выражали стихийный протест против засилья монополий, которые стремясь форсировать концентрацию производства в сельском хозяйстве, систематически усиливали финансовый гнет по отношению к крестьянству. С 1956 по 1962 г. цены на продукцию сельского хозяйства в целом повысились на 7%, на минеральные удобрения и новые машины — на 16%, на новые постройки — на 42%. За одно и то же количество проданной продукции крестьянин, таким образом, с каждым годом мог купить (а следовательно, и вложить в хозяйство) все меньше средств производства. В то же время под воздействием конкуренции потребность в производственных расходах быстро растет.

Лишь крупные капиталистические предприятия могут обеспечить необходимые вложения в расширение производства. Поэтому не только мелкие и средние крестьянские хозяйства, но даже часть кулацких хозяйств в настоящее время уже не выдерживает конкуренции и оказывается на грани разорения.

«У меня хозяйство размером в 12,5 га, но эти 12,5 га в Гессене больше не могут прокормить крестьянина, — заявил землевладелец Х. — Поэтому я занялся еще торговлей углем для вспомогательного заработка. В нашей деревне больше нет «чистых» крестьян». Еще определеннее высказывается владелец 50 га земли из Нижней Саксонии: «ЕЭС — это смерть для крестьян, и если цены на зерно и картофель будут снижены, то я уже сегодня могу расчитать, когда я потеряю свое хозяйство, и точно так же будет с другими крестьянами»¹¹. С помощью «Общего рынка», пишет демократическая западногерманская газета «Das Land», монополии ведут «генеральную атаку» на все крестьянство¹².

⁵ «Bauernruf», 28.VIII.1962.

⁶ «Die Welt», 18.X.1962.

⁷ «Neues Deutschland», 26.IX.1962.

⁸ «Bauernruf», 24.XI.1962.

⁹ «Neues Deutschland», 17.II.1963.

¹⁰ «Neues Deutschland», 17.III.1963.

¹¹ Из материалов Центрального правления объединения крестьянской взаимопомощи. Берлин.

¹² «Das Land», 1960, № 2.

Наступление монополий на крестьянство побуждает его активно бороться за свое существование. В этой борьбе все больше участвуют не только трудящиеся крестьяне, но и владельцы более крупных предприятий. Конечно, крестьянские выступления носят мелкобуржуазный характер, являются борьбой мелкого собственника за сохранение своего положения. Но самый факт наличия крестьянского движения против монополий и все более широкого участия в нем зажиточных слоев крестьянства свидетельствует не только о расширении противоречия между монополиями и крестьянством, но и о возрастающем гнете монополистического капитала на капиталистическую прослойку этого класса. Это обстоятельство, несомненно, улучшает предпосылки для демократического, антимонополистического движения. Действенной формой крестьянских выступлений в последние годы стала организация тракторных маршей в крупные административные и промышленные центры с проведением на площадях и рынках городов митингов протеста. В ноябре 1963 г. рейнские крестьяне распространили по городам 75 тыс. плакатов с лозунгами протеста против неуклонно увеличивающейся разницы цен («ножниц цен») на продовольствие, поставляемое крестьянином и продаваемое потребителю. Лозунги гласили: «На зерно — многие годы одна цена, на хлеб — постоянно растущая цена», «Крестьянин получает мало, домашняя хозяйка платит много. Разве в этом наша цель?»¹³. Более 300 крестьян направили в феврале 1963 г. телеграмму протеста против аграрной политики правительства в бундестаг¹⁴. В округах Штаде и Люнебург на крестьянских собраниях выдвигались требования провести годовичную забастовку покупателей сельскохозяйственных средств производства. Нижнесаксонский союз земледельцев, в котором объединились многие владельцы крупных хозяйств, выражая протест против высоких цен, решил не покупать в течение года азотные удобрения¹⁵. Пфальцские крестьяне собрали общественный денежный фонд для подготовки манифестаций и ликвидации ущерба от импорта иностранной продукции¹⁶. Разнообразны лозунги, с которыми демонстрировали крестьяне в Гамбурге, Оснабрюке, Геттингене и других городах: «Мы не хотим быть крепостными монополий!»; «Эрхарду нет веры: его цель — новые миллионеры»; «Мы не хотим быть похороненными по-европейски!»; «Высокие цены на продовольствие — не наша вина»; «Этот трактор стоит 13 000 марок. Точно такой же в Дании стоит 9 000»; «Город и село — плечо к плечу!»¹⁷.

Многие крестьяне выступают за создание кооперативов, которые на демократических основах организуют производство и будут делить прибыль соразмерно взносу каждого. В одной из общин крестьяне создали коллективную ферму на 2 тыс. голов крупного рогатого скота. В Рейнланд-Пфальце в садоводческие кооперативы вошли владельцы более 150 га садов. В одном из них крестьяне вносят ежегодно по 1,8 марки за каждое дерево, совместно ведут обработку, уход за садами, уборку урожая. В Баварии кооперировались 82% овощеводов, которые поставили своей задачей коллективно выступать против монополий¹⁸. Широко распространяются объединения по совместному использованию машин. Этих объединений уже насчитывается более 35 тысяч. Из них 15 тыс. мелких крестьянских кооперативов, 16 тыс. машинопрокатных станций на кооперативных началах, 850 крупных кооперативов, 3 тыс. машинопрокатных станций на базе крупных предприятий. По данным

¹³ «Feld und Wald», I.XI.1963.

¹⁴ «Bauernruf», 23.II.1963.

¹⁵ «Die Welt», 29.V.1963.

¹⁶ «Frankfurter Allgemeine», 27.VII.1963.

¹⁷ «Deutsche Bauernzeitung», 25.X.1962; «Bauern-Echo», 7.XII.1963; «Neues Deutschland», 26.IX.1962.

¹⁸ «Neues Deutschland», 15.II.1964; «Vorwärts», 9.X.1963; «Deutsche Zeitung mit Wirtschaftszeitung», 3—4.VIII.1963; «Deutsche Bauernzeitung», 21.II.1963.

отчета Объединения сельских кооперативов, в среднем на один кооператив приходится более 5 сельскохозяйственных машин¹⁹.

Монополии и аграрный капитал используют мелкобуржуазные иллюзии крестьянства, лицемерно поддерживая кооперативное движение и подчиняя себе кооперативы с целью его эксплуатации.

Наибольшую угрозу своему существованию крестьяне, в первую очередь трудовое крестьянство, видят в аграрной политике ЕЭС.

Реакционное руководство Крестьянского союза, выражающее интересы аграрного капитала, промышленных, банковских, торговых монополий, связанных с сельским хозяйством, под давлением масс было вынуждено маневрировать и призывать трудящихся всеми средствами бороться против политики ЕЭС — от распространения листовок до массовых демонстраций, от ограничения покупок до полного отказа от них²⁰. Однако на деле руководство союза не подкрепляло призывы к действиям конкретными практическими делами, ссылаясь на то, что крестьянство якобы не готово поддержать его в такой борьбе. Это лишний раз показывает подлинное лицо руководителей Крестьянского союза, которые всеми силами проводят в жизнь антикрестьянскую, империалистическую политику, но в то же время посредством демагогии и обмана стремятся сохранить расположение крестьянства и использовать его в своих интересах. Характерно, что в условиях ЕЭС все больше крестьян стало выражать недовольство политикой руководства НКС. Многие низовые организации протестовали против его двуличной позиции и требовали активной борьбы с аграрной политикой монополий. Три четверти участников голосования высказывались за более решительные действия союза. В округе Золтау на собраниях 92% участников также выступили с требованием более активной борьбы²¹.

Когда в ЕЭС с новой силой разгорелись споры вокруг ускоренного создания «аграрной интеграции», крестьянская борьба достигла еще большего накала. «В этом году я впервые за всю свою многолетнюю общественную деятельность с ужасом установил, что я вижу перед собой искаженные злобой крестьянские лица»²², — заявил один из руководителей НКС в Шлезвиг-Гольштейне. В обстановке нарастающей борьбы руководство НКС оказалось не в состоянии полностью удержать крестьянство в своем подчинении. Дело дошло до того, что некоторые низовые организации, где наиболее значительна мелкокрестьянская прослойка, наряду с существовавшими органами союза, которые находятся в руках аграрного капитала, стали создавать «чрезвычайные комитеты» для активизации борьбы. Даже часть руководящих работников НКС (Касценски и др.) поддержала эти выступления и объявила о создании комитета «Север» для объединения крестьянских «чрезвычайных комитетов».

В конце 1963 г. комитет «Север» организовал мощный тракторный марш в Гамбург. В речи на городской рыночной площади Касценски заявил, что крестьяне получают за фунт белой капусты 1 пфенниг, яблок — 25, за центнер картофеля — 3,8 марки. «Сравните это с теми ценами, которые вы должны платить в магазине», — добавил он. После этого крестьяне стали бесплатно раздавать домашним хозяйствам свои продукты, чтобы показать, что не они виноваты в высоких ценах. «Сегодня Гамбург, завтра Бонн!»²³ — таким призывом завершился этот митинг. «Чрезвычайные сообщества» организовали и провели аналогичные выступления и в других местах. Как признает даже буржуазная пресса,

¹⁹ «Berichte über Landwirtschaft». 1963, Hf. 2, S. 319—320; «Landtechnik», 1963, Hf. 15, S. 469.

²⁰ «Die Welt», 4.III.1963.

²¹ «Neues Deutschland», 20.II.1963; «Bauernruf», 8.XII.1962.

²² «Bauernblatt für Schleswig-Holstein». 22.VI.1963, S. 1930.

²³ «Westfälische Rundschau», 8.XII.1963.

образование «сообществ» «вносит свежий ветер в аграрную политику», а их действия являются такими, «на которые Крестьянский союз неспособен»²⁴.

Осенью 1963 г. была принята «Программа чрезвычайного сообщества», состоявшая из 10 пунктов. Анализ этого документа показывает, что руководители «чрезвычайных сообществ» также пытаются увести крестьянство в сторону от сознательной классово-борьбы. Некоторые ее положения проникнуты духом антикоммунизма. О необходимости союза рабочих и крестьян не говорится ни слова. Программа отражает мелкобуржуазные иллюзии крестьянства о возможности спасения от гнета монополий при помощи дешевого кредита, государственных субсидий и других мероприятий империалистического государства. В то же время под воздействием трудящихся крестьян в нее были включены некоторые демократические требования, идущие гораздо дальше требований НКС.

В программе провозглашается борьба крестьянства против ЕЭС и политики вооружения, за мир, взаимопонимание и социальный прогресс, выдвигаются требования о недопустимости снижения цен на зерно, о необходимости выполнения обещаний правительства об оказании помощи крестьянству. «Мы настойчиво требуем от федерального правительства прекратить травлю крестьян в монополистической прессе, — говорится в документе, — и разъяснить потребителям, что крестьянин, цены на товары которого в течение многих лет стоят на месте, не виноват в росте цен»²⁵.

В целом «Программа чрезвычайного сообщества» отражает бессилие мелкого собственника, который задыхается в безуспешной борьбе с натиском монополий и в то же время не видит выхода из того тупика, в который завела крестьянство империалистическая аграрная политика. Несмотря на антимонополистическую фразеологию, ее авторы стоят на позиции защиты капитализма и частной собственности. И тем не менее за многие десятилетия затишья в НКС впервые появилось оппозиционное движение, которое открыто стало отходить от его официальной политики. Некоторые руководители «чрезвычайных сообществ», прежде всего Касценски, выступили с довольно резкими нападениями на руководство НКС. Среди массы крестьян такие выступления пользовались большой поддержкой. Это вызвало определенное беспокойство в руководящих кругах ФРГ.

Вице-президент Нижнесаксонского крестьянского союза Блуме предупредил правительство, что если оно не займет более «позитивной позиции по отношению к сельскому хозяйству, то не удастся избежать радикализации крестьянства. А это может быть очень опасным»²⁶. Перепуганный руководитель НКС Ревинкель, назвав Касценски бунтовщиком, предпринял лихорадочные усилия, чтобы исключить его из союза. Но в результате массовых протестов крестьянства ему это не удалось сделать. Как заявил Касценски, это еще раз показало, что «Ревинкель и его подпевалы хотят заставить молчать подлинные крестьянские голоса и понудить плясать под свою дудку выборных руководителей крестьянских союзов»²⁷. Малоэффективными оказались и многочисленные заявления Ревинкеля, что действия «чрезвычайных сообществ» не имеют ничего общего с НКС.

Большинство участников «сообществ» продолжало оставаться членами союза. Определяя политику «сообществ», Касценски говорил: «Для нас имеются три возможности: во-первых, выступления через и вместе с Крестьянским союзом; во-вторых, самостоятельная мобилизация кре-

²⁴ «Stimmen zur Agrarwirtschaft», 6.I.1964.

²⁵ «Programm der Notgemeinschaft», 1963.

²⁶ «Feld und Wald», 30.VIII.1963.

²⁷ «Die Welt», 2.IX.1963.

стьян; в-третьих, выступления в союзе с городским населением»²⁸. В этих словах нашло отражение стихийное стремление крестьянства, особенно его полупролетарской прослойки, к совместной борьбе с рабочими городов против гнета монополий, а также содержится угроза раскола Крестьянского союза.

Опасаясь активизации и роста влияния в «сообществах» беднейшей прослойки крестьянства, которая в наибольшей степени эксплуатируется монополистическим капиталом и по своему социально-экономическому положению близка к промышленному пролетариату, господствующие классы, помимо усиления борьбы с «сообществами», с помощью реакционных руководителей НКС приняли и другие меры. Особенно большую активность проявили представители фашистских организаций, которые стремятся разжечь у крестьянства милитаристские и реваншистские настроения, отравить его ядом шовинизма и антикоммунизма.

В начале 1964 г. в ФРГ представителями реакционного юнкерства была создана «Немецкая сельская партия». В полуфашистской программе этой партии ловко используется гитлеровская демагогия («Борьба с монополистическим капиталом миллионеров», «Чиновники — слуги народа, а не наоборот», «Создание общества социальной справедливости»), причем крестьянство объявляется «жизненным корнем нации», и его защита «от разрушительной политики индустриального общества» провозглашается главной целью. Печатный орган этой партии «Saat und Ernte» уже в первом номере стал пропагандировать систему гитлеровских «имперских продовольственных комитетов» как образец руководства сельским хозяйством, потребовал «воссоединения Германии и вооруженного нейтралитета», прекращения судебных процессов над военными преступниками или «проведения такого же процесса над убийцами Хиросимы», создания «единой Европы». Подлинные цели реакции в ее борьбе за крестьянство сформулировал политический деятель ФРГ Э. Менде: «Сохранение крестьянства для нас не только вопрос сохранения нашего продовольственного базиса. Мы стоим за крестьянство потому, что свободный крестьянин на свободной собственной земле является одним из лучших гарантов свободно-демократического порядка и ожесточенным противником коммунистического развития»²⁹. Активно включились в идеологическую обработку крестьянства и клерикалы. Священник Редерер пишет, что «церковь тоже признает, что положение крестьян должно быть улучшено», однако не надо все преувеличивать, изображать политику ЕЭС как «окончательную ликвидацию крестьянства» и черными красками расписывать деревенскую нужду³⁰. Нужно больше заботиться о быте крестьян, помогать крестьянкам в их тяжелом труде, улучшить обучение детей, демагогически призывает Редерер.

За последние годы усилились репрессии против руководителей крестьянского движения. Само движение изображается как результат «присокков коммунистов». Одного из организаторов митингов, З. Ортнера, подвергли настоящей травле, называя его в печати «красным агентом». В Мюнхене над крестьянами был организован судебный процесс, инициаторы которого пытались доказать, что участие в манифестациях — это «угроза государству, инспирированная из ГДР». Но обвиняемые крестьяне убедительно опровергли эту клевету, заявив, что «не мы угрожаем государству, а руководители государства нанесли ущерб нашему крестьянскому сословию, его существованию и посредством антикрестьянской и антинациональной политики ЕЭС угрожают ему еще больше»³¹. Даже некоторые выразители интересов монополистического капитала признают необоснованность обвинений против участников кре-

²⁸ «Bauernruf», 9.II.1963.

²⁹ «Badische Bauernzeitung», 8.II.1964.

³⁰ «Arbeit und Besinnung», 1964, H. I, S. 5—7.

³¹ «Die Andere Zeitung», 12 IX.1963.

стьянских манифестаций. Депутат бундестага Струве советует трезво взглянуть на вещи и признать, что беспокойство крестьянства не результат «происков» «радикальных элементов», а следствие большой социально-экономической несправедливости³².

При всем разнообразии конкретного подхода к крестьянству той или иной группы господствующих классов их главное внимание сосредоточено на одном: во что бы то ни стало не допустить установления союза между рабочими и крестьянами, вбить клин между ними, не гнушаясь при этом никакими методами. В середине 50-х годов, когда в интересах монополий государство повысило цены на молоко, монополиям удалось обмануть часть общественности, взвалив вину за это на крестьянство, и спровоцировать отдельные рабочие организации на проведение «молочных забастовок». Сейчас снова разворачивается кампания клеветы на крестьянство как якобы главного виновника дороговизны, причем в этой позорной кампании участвуют некоторые реакционные руководители профсоюзов. Однако жизнь учит рабочих и крестьян разбираться в том, кто их настоящий враг и кто союзник по совместной борьбе. Крестьянин Форстенхойслер обратился с открытым письмом к председателю Объединения немецких профсоюзов Розенбергу, в котором осудил тех профсоюзных деятелей, которые стараются вырыть пропасть между рабочими и крестьянами. «Лучшее взаимопонимание и взаимодействие крестьян и промышленных рабочих,— писал он,— я считаю крайне желательным и настоятельно необходимым»³³. Многие низовые профсоюзные работники требуют укрепления единства рабочих и крестьян. Окружная конференция профсоюза строителей в Пфунцштадте в 1963 г. выступила в поддержку требований крестьянства. В распространенном среди делегатов тексте резолюции указывалось, что господствующие классы ФРГ «пытаются посеять распри между двумя сильнейшими группами трудящихся». Была создана комиссия, которой поручено провести «беседы со всеми слоями крестьянства в двух или трех сельских общинах, чтобы узнать от них их нужды и заботы и организовать совместную борьбу против последствий боннской политики»³⁴.

С 1 октября 1963 г. в ФРГ снова были повышены цены на молоко. В ответ на это во многих промышленных центрах состоялись митинги протеста. Однако некоторые представители низовых профсоюзных организаций правильно разъяснили суть дела. На одном из больших митингов руководитель профсоюза Э. Зандер рассказал собравшимся, что из надбавки к цене в 6 пфеннигов на литр молока крестьянину попадает только 0,8 пфеннига. «Каждый может подсчитать, кому достается львиная доля при повышении цен»³⁵,— добавил он. Председатель окружного совета профсоюзов К. Кольб на митинге в Карлсруэ заявил, что «крестьянский протест направляется не против сельского хозяйства»³⁶. Буржуазная газета «Welt der Arbeit» поместила 2 августа 1963 г. письмо читателя, который возмущается наглостью антикрестьянской монополистической пропаганды. Он пишет: «Крестьяне определяют потребительскую цену точно так же, как рабочие определяют отпускную цену предпринимателя». Руководитель объединения профсоюзов в Висбадене Ляйх призывает рабочих и крестьян «протянуть друг другу руки и вместе сражаться за экономическую и социальную справедливость»³⁷. Резолюцию протеста против натравливания рабочих и крестьян друг на друга приняли на конференции в 1962 г. саарские профсоюзы. «Только в совместной борьбе мы можем выстоять»³⁸,— говорится в ней. Многие

³² «Feld und Wald», 12.VII.1963.

³³ «Unsere Zeit», 2.XII.1963, S. 7.

³⁴ «Neue Deutsche Bauernzeitung», 2.VIII.1963.

³⁵ «Süddeutsche Zeitung», 8.X.1963.

³⁶ «Bauernruf», 1.II.1963.

³⁷ «Bauernruf», 19.IX.1963.

³⁸ «Saarwoche», 15.XII.1962.

профсоюзные организации установили регулярный обмен делегациями рабочих и крестьян, участвуют в проведении манифестаций, создают совместные «комитеты действий». Осенью 1963 г. на мощной 40-тысячной рабочей демонстрации в Мангейме впервые промышленные рабочие несли лозунги в защиту крестьянства: «Не крестьяне, а монополии вздувают цены», «Дайте крестьянам больше денег, отмените торговые ножицы цен»³⁹. Один из низовых профсоюзных работников обратился к крестьянским кооперативам с предложением поставлять сельскохозяйственную продукцию непосредственно на склады крупного завода, чтобы рабочие и служащие могли покупать свежие продукты по оптовым ценам. Это будет выгодно как рабочим, так и крестьянам⁴⁰. В Бремене крестьяне, минуя монополии, привезли на рынок 40 тысяч штук яиц и в течение часа распродали их по 6—12 пфеннигов за штуку, в то время как в розничной торговле цена одного яйца составляла 17—20 пфеннигов. Крестьянское объединение в Графшафт-Хойя в поисках новых форм связей с потребителями решило регулярно помещать в печати статьи о затратах на производство продукции и трудностях сбыта⁴¹.

Таким образом, создание «Общего рынка» привело к усилению эксплуатации крестьянства и резкому обострению классовых противоречий в деревне. Движение протеста против гнета монополий охватило все слои крестьянства.

Хотя это движение крестьянства против аграрной политики монополий не создает непосредственной угрозы господству монополистического капитала ФРГ в целом, тем не менее оно стало важным фактором политической жизни страны.

Господствующие классы ФРГ понимают, что обострение противоречия между монополиями и крестьянством ухудшает объективные предпосылки для его союза с рабочим классом и вовлечения всего крестьянства в антимонополистический фронт. Поэтому они стремятся направить крестьянство в сторону от сознательной классовой борьбы. При этом финансовая олигархия использует все средства социальной демагогии и обмана трудящихся, прибегая то к открытому насилию и подавлению всякого недовольства, то к отдельным уступкам, которые не могут в корне изменить положение трудящихся.

На аграрную политику правительства ФРГ в последние два года существенное влияние оказали соображения межпартийной борьбы за руководящее положение в государстве. Как известно, осенью 1965 г. в Западной Германии состоялась выборы в бундестаг. Правящая партия ХДС—ХСС, опасаясь уменьшения своего влияния в деревне, в процессе подготовки к выборам провела некоторые мероприятия с целью успокоить крестьянские массы, за которыми стоят, по оценке западногерманских специалистов, 5 млн. избирателей. Так, в 1964 г., несмотря на протесты стран ЕЭС, правительство ФРГ ограничило импорт сельскохозяйственных продуктов из этих стран, что несколько ослабило иностранную конкуренцию. Цены на сельскохозяйственную продукцию за последние два года в общем были более благоприятными, чем в прошлые годы.

Правительство усилило также регулирование сельскохозяйственного рынка посредством закупки в государственных запасы избыточной сельскохозяйственной продукции и поставки на рынок продукции из государственных запасов в периоды превышения спроса над предложением. Это дало возможность избежать резких колебаний цен на сельскохозяйственную продукцию, которые, как правило, сопровождались массовыми волнениями крестьян. Благодаря хорошему урожаю в последние два года средний доход на хозяйство также был выше, чем в прошлые годы.

³⁹ «Bauernruf», 6.XII.1963.

⁴⁰ «Bauernruf», 26.IX.1963.

⁴¹ «Badische Bauern-Zeitung», 5.X.1963.

Все это привело к заметному спаду крестьянских выступлений против монополистической аграрной политики правительства. По сравнению с 1962—1963 гг. количество крестьянских манифестаций намного уменьшилось. Реакционное руководство НКС поспешило использовать создавшуюся обстановку, чтобы укрепить свое пошатнувшееся положение в низовых крестьянских организациях. Ему удалось изолировать радикально настроенных руководителей крестьянских выступлений и преодолеть ту неустойчивость, которая сложилась в период поддержки «чрезвычайных сообществ» некоторыми руководителями НКС.

Тем самым снова создались условия для беспрепятственного «сотрудничества» НКС с правительством ФРГ в проведении антикрестьянской аграрной политики. На последнем съезде Крестьянского союза, состоявшемся в июле 1965 г. в Дюссельдорфе, канцлер ФРГ Л. Эрхард изображал из себя «друга крестьянства», а президент НКС Э. Ревинкель заявил, что между ним и канцлером установилось «полное взаимопонимание»⁴². Буржуазная пресса на все лады восхваляет «потепление климата между федеральным правительством и Крестьянским союзом»⁴³.

Относительному успокоению крестьянства содействовало также стремление правительства затормозить осуществление «аграрной интеграции» и особенно его сопротивление установлению единых цен на зерно. Только после ультимативного требования президента Франции де Голля, пригрозившего выходом из ЕЭС, правительство ФРГ согласилось установить единые цены на зерно, что будет означать снижение западногерманских цен на 50—60 марок за тонну зерна. Но при этом были приняты меры, чтобы по возможности избежать недовольства производителей зерна. Во-первых, Западная Германия согласилась установить единые цены на зерно только с 1 июля 1967 года. Во-вторых, было решено, что убытки западногерманского сельского хозяйства от снижения цен на зерно будут возмещены из средств государственного бюджета и специального фонда ЕЭС. С этой целью уже в 1965 г. сельскому хозяйству ФРГ предоставлено 840 млн. марок, а начиная с 1966 г. будет предоставляться ежегодно по 1,1 млрд. марок вплоть до 1970 года. Решение о единых ценах на зерно также не вызвало значительных волнений крестьянства.

Однако есть все основания утверждать, что спад крестьянских выступлений является временным и в дальнейшем они будут нарастать. Экономическое положение крестьянских хозяйств под воздействием конкуренции со стороны крупных предприятий ухудшается. Как видно из «зеленого плана» 1965 г., в западногерманском сельском хозяйстве быстро идет процесс концентрации производства и дифференциации крестьянства. Под натиском монополий начинают разоряться все более крупные хозяйства. Только за 1963/64 хозяйственный год в землях Нижней Саксонии и Шлезвиг-Гольштейн прекратили свое существование 1500 хозяйств площадью от 10 до 20 га, тогда как во все предыдущие послевоенные годы количество хозяйств этой категории неуклонно увеличивалось. В настоящее время владельцы 990 тыс. хозяйств, или $\frac{2}{3}$ всех сельскохозяйственных предприятий страны, уже не могут прокормить семью и расширять производство только за счет сельскохозяйственной деятельности и вынуждены прирабатывать на стороне.

Согласно опросу 1 800 владельцев крестьянских хозяйств, проведенному гамбургским обществом по изучению рыночной конъюнктуры весной 1965 г., 46% опрошенных опасаются отрицательных последствий для своих хозяйств от снижения цен при введении «аграрной интеграции», 10% боятся иностранной конкуренции, 8% считают, что им придется

⁴² «Bauernblatt/Landpost», 24.VII.1965, S. 2763.

⁴³ «Badische Bauern-Zeitung», 24.VII.1965.

оставить свои хозяйства, и только 4% расценивают перспективы для своих предприятий как благоприятные⁴⁴.

В соответствии с чрезвычайными законами, принятыми бундестагом, значительно расширяются права правительства по установлению цен на сельскохозяйственную продукцию, государственному регулированию ее производства и сбыта, изданию обязательных для производителей предписаний по поставке продуктов и т. д. Осуществление на практике этих мероприятий и введение единого «аграрного рынка» еще больше ухудшат положение крестьянства, что приведет к повышению его активности в борьбе против господства монополий.

В этой демократической борьбе только Коммунистическая партия Германии указывает крестьянству путь к освобождению. Еще в 1960 г., когда стали сказываться первые пагубные последствия антикрестьянской политики ЕЭС, КПГ опубликовала программное заявление «Национальная крестьянская политика КПГ», вооружившее крестьянство конкретным планом борьбы с господством монополий. На собраниях «чрезвычайных сообществ» в основу принимаемых резолюций протеста в ряде случаев кладутся наиболее важные положения этого документа. Коммунисты требуют покончить с антикрестьянской политикой ЕЭС, прекратить сгон трудового крестьянства с земли, наделить крестьян землей за счет помещичьих имений, оказывать крестьянству государственную помощь. Они призывают крестьян расширять демократические кооперативы, укреплять связи с рабочими, создавать совместные комитеты действий.

В материалах съезда КПГ 1963 г. отмечено, что перед рабочим классом встает задача активно поддержать все слои крестьянства, включая часть кулачества, в его справедливой борьбе против аграрной политики ЕЭС и завоевать на свою сторону все крестьянство в целом. В одном из заявлений КПГ говорится: «Ложные представления о том, что все крестьянство не созрело для союза, должны быть окончательно отброшены, потому что они препятствуют нам в широком развитии национального движения»⁴⁵. Аграрная программа КПГ дает в руки крестьянства надежное оружие для того, чтобы вместе со всеми трудящимися под руководством рабочего класса успешно бороться против гнета монополий. Она обосновывает необходимость включения крестьянства в антимонополистический фронт в качестве его активной демократической силы.

⁴⁴ «Landwirtschaftliches Wochenblatt für Hessen-Nassau», 25.IX.1965.

⁴⁵ «Wissen und Tat», 1963, № 10.